

Нина Ананиашвили

Дома я принадлежу дому

«Когда мне было три года и меня спрашивали, кем я хочу быть, я отвечала: «Киноактрисой, Джинной-Лоллобриджидой-Бардо». На меньшее я была не согласна».

— Воля — это характер?

— От характера многое зависит, я считаю, в любой области. У нас были девочки, которые относились к балету прохладно, они ничего и не добились. Балет требует усердности, терпеливости. Иногда педагог тебя ругает, а ты никак не можешь собраться, но должен осознать, что делается это не из ненависти к тебе, а во благо. И мне это нравилось. Хотя я, правда, не знала, кем стану. Буду ли балериной? Буду ли в Большом? Это все казалось сказкой.

— А кем вы хотели стать в детстве?

— Когда мне было три года и меня спрашивали, кем я хочу быть, я отвечала: «Киноактрисой, Джинной-Лоллобриджидой-Бардо». Где я это услышала? Почему так соединила два имени? Но на меньшее я была не согласна. Потом хотела быть врачом, как бабушка, геологом, как папа. «Представляешь, — шутил он, — будешь лучшей балериной среди геологов и лучшим геологом среди балерин».

— Ваш самый любимый балет?

— На сцене я люблю все, что танцую. Если ты не любишь то, что танцуешь, это увидят все.

— Гия, а, на ваш взгляд, что у Нины получается лучше всех?

Г.: Лучше всех — «Лебединое...», «Жизель» и «Раймонда».

Н.: Ну почему «лучше всех»? Я просто танцую по-своему.

Г.: Это я так считаю. По-своему лучше всех. А остальные по-своему хуже.

— С советских времен в нас укоренилось мнение, что современный балетный танец проигрывает классическому. Так?

— Конечно, классику танцевать труднее. Чтобы танцевать классику, надо долго учиться, и еще неизвестно, выйдет ли толк. Современный балет, модерн может танцевать человек, от природы просто пластичный, его можно научить этому за пару лет. Он классику не станцует, а классический танцовщик может станцевать все. Но это не значит, что одно хуже другого. Кстати, на Западе в любом уважающем себя балетном театре обязательно идет

ТВ Парк — 2000 — 5 нояб. — С 8 — 12

Мнение, что она сдержанна, суховата, закрыта, развлеклось в пять минут. Она очаровательно жестикировала, объясняла свою точку зрения с жаром и темпераментом, как умеют только грузинки, много смеялась и в этот момент напоминала озорного мальчишку. Кстати, в детстве она и мечтала быть мальчишкой и гоняла в футбол. И муж Нины, Григорий Вашадзе, в приватном разговоре оказался не таким, как его описывала балетная молва: мол, грозен и нелюдим. Пока мы болтали, он разгонял над нами дым своей ароматной сигары, играл с

компьютером в преферанс и подавал реплики — остроумные.

Г.: У моей жены один недостаток — ее колоссальная любовь к балету. Но балетные все сумасшедшие. Они же калечат себя! Уходят на пенсию ломаные-переломанные. С ними можно жить только по их правилам. Если ты не понимаешь, ради чего они это делают, надо разводиться.

— То, что балет — тяжелый труд, догадываются все, но постичь могут немногие. Что компенсирует тяготы?

Н.: Любовь к делу. Тогда это видит и зритель, и ты сам получаешь удовольствие даже от «черной работы». Ее тоже надо лю-

бить. Плюс с годами вырабатывается привычка к труду.

— А если плохая погода, усталость, лень?

— Преодолеваешь. За счет вундерной дисциплины... У бабушки была подруга, оперная певица. И как-то я, маленькая, услышала, как бабушка говорит ей: «Ну брось ты это дело! Зачем этим заниматься, если ты так мучаешься?!» А подруга сказала: «Ты никогда не поймешь, что это за чувство, когда ты закончил спектакль и тебе аплодируют. Ради этих секунд стоит жить». Став балериной, я на себе поняла, что те счастливые секунды, когда ты стоишь на сцене и тебе аплодируют за твой труд, перечеркивают все, что было до.

классика, и каждый сезон — две-три современные премьеры. Новый балет может стать удачей, может тут же сойти с афиши. Так работать — норма. Везде, кроме нас.

Я считаю себя классической балериной, но попробовать современную хореографию мне необходимо. Для творческого роста. Почему уехал Ирек Мухаммедов, последний солист, на которого ставил Григорович? Он перспективы для себя не видел. На «Спартаке» и «Золотом веке» все для него кончилось. И вдруг он приезжает в Ковент-Гарден, и Кеннет Макмиллан каждый год ставит на него балет. Почему вообще у нас был такой отток молодежи? Не из-за денег, уверяю вас. Юрий Посохов, уехав, в первый же год на Западе станцевал четырнадцать новых вещей! И сейчас в Сан-Франциско у него каждый год три-четыре премьеры. Я его спрашивала: «Не скучаешь без Москвы?» — «Конечно, скучаю. Но творчество, которое я здесь имею, я бы там никогда не имел».

Что касается возраста, конечно, классический балет в возрасте выдержать трудно. Но в любом возрасте балетный танцовщик пластичен, и он знает так много! Вот Миша Барышников. Он просто переключил себя на другой мир. И это не умаляет его достоинств. А почему нет? Никто же не удивляется, когда в драматическом театре актеры переходят на возрастные роли? Бывшие девочки начинают играть бабушек. А в балете это почему-то считается сдачей позиций.

— **Самая сильная, на ваш взгляд, балетная труппа?**

— Для меня — Большой, а мариинские балерины скажут, что

Мариинка. Последние успехи американских гастролей доказали, что Большой остался в балетном мире лидером. Такого не помнили: касса открылась на десять минут и закрылась, потому что все билеты были проданы. Люди писали в Белый дом: «Почему мы не можем купить билеты?!» Все критики отметили в один голос, что в 90-м году, когда Большой был в Америке, это был успех индивидуальностей, а сейчас это был и ансамблевый успех, что редкость.

— **Хореограф для вас — это...**

— ...скульптор. А мы — материал, как пластилин. И мне самой интересно, что же получится.

— **Кого из хореографов вы могли бы назвать «своим»?**

— Их было не так много. Я же начинала при Григоровиче, но он на наше поколение уже не ставил. Поэтому всегда буду помнить Кеннета Макмиллана (он работал со мной и Алексеем Фадеевым в Ковент-Гардене над «Ромео и Джульеттой», «Принцем пагоды» и «Манон»), Бена Стивенсона (он поставил на меня «Снегурочку»), Алексея Ратманского, который ставил на меня «Сны о Японии» и «Прелести маньеризма».

— **Если бы Васильев остался на посту художественного руководителя Большого, он бы смог что-то сделать?**

— У него были, конечно, ошибки, но с ним можно было говорить, договориться, убедить. При нем Большой вернул себе международный успех, потеснив Мариинку. А теперь как будто специально сделано все, чтобы Мариинка отвоевала себе то положение, которое имела до нашего успеха.

Зеркало для балерины — самый беспристрастный судья. Строже бывает только муж

— **Вы думаете, Григорович вернется в Большой?**

— Юрий Николаевич очень умный человек, и я его за это уважаю. Он понимает, что вернуться художественным руководителем уже не сможет. Диктатура (а он был балетмейстером-диктатором) сейчас не

работает. Но как консультант Рождественского, я думаю, он придет.

— **А Алексей Фадеев, руководитель балета при Владимире Васильеве, не уйдет из Большого?**

— Уже ушел. Вернее, его уволили. Разорвали с ним контракт после его пресс-конференции. Мне жаль, что у людей короткая память. При Алексее балет Большого жил хорошо: был успех, были гастролы, новые балеты.

— **Как сложатся ваши отношения с Большим?**

— Я двадцать лет в театре. Как танцевала, так и буду танцевать. В сезон это максимум девять-десять спектаклей. А всего балетных спектаклей — сто двадцать. Я танцую гораздо меньше многих. И ни у кого ничего не отнимаю. (Кстати, 30 октября у поклонников танца Нины будет возможность увидеть ее в концерте на сцене театра «Московская оперетта». — Ред.)

— **Класс у вас каждый день?**

— Каждый день — час. На Западе — полтора. Потом репетиции.

— **Дома вы занимаетесь тоже? Я вижу у вас станок.**

— (Смеется.) Это для зонтиков больше. Я занимаюсь, если учу но-

Вот так они, представьте себе, спорят (с мужем Гией)

вую партию, которую буду танцевать на Западе. У меня кассета, учу порядок сцен. Но дома я должна принадлежать дому, а не балету.

— **Вы говорили, что любите и умеете готовить. Как вкусно готовить то, что не можешь есть сам?**

— А я ем все. Можете написать, что вкусно поесть — это одно из самых любимых занятий Нины Ананиашвили.

— **Значит, представление обывателя о том, что бедные балерины всю жизнь голодают...**

— Это меня всегда коробило. Конечно, многое зависит от конституции. Но у балерин такие нагрузки, что все сгорает.

— **Вы предпочитаете есть дома или куда-то ходите?**

— Под настроение. На Западе у меня очень тяжелый график, поэтому готовить не успеваю, и мы с Гией чаще ходим в ресторан. Но и в Москве у нас есть несколько любимых мест, куда мы заходим после спектакля.

— **Многие, даже драматические, актеры в день спектакля предпочитают не есть. А вы?**

— Я ем. Конечно, не впритык к началу. Днем обедаю, иначе мне плохо на сцене становится. А Гия

в день спектакля ничего не ест. По-моему, он больше волнуется, чем я.

— **Вы дома общаетесь по-грузински?**

— У нас уже автоматически получается переход туда-сюда.

— **А думаете по-грузински?**

— У меня был период, когда я мысленно переводила с грузинского на русский каждую фразу. А сейчас наоборот, особенно если дело касается балета. Иногда забавно: мы с Гией по-грузински говорим, а за столом, предположим, сидит еще кто-то русский и англичанин. И сразу говоришь на трех языках. Гия надо мной смеется: «Ты хоть на одном научись говорить хорошо!»

— **Он сколько языков знает?**

— Кажется, семь. И никогда ничего не путает.

— **Какую музыку, какие танцы вы любите вне балета?**

— Классику. Гия обожает оперу. Даже работает под музыку. В гостях я, как все нормальные люди, могу потанцевать что-то общепринятое. С детства люблю балльные танцы, папа учил. Современную музыку не знаю, не слушаю и не тянет. Она меня не греет.

Станок дома есть, но он больше для зонтиков

Дома она принадлежит дому, но каждый жест ее все равно балерин

— Кто у вас собирает картины?

— В основном Гия. Начал еще до того, как мы поженились. А грузинские художники — мои приобретения. Гия любит примитивизм, Нестерову, Зверева, он с ним общался и дружил. А мне очень нравятся васильевские «Балбетки». А вот там в углу — это меня рисовал Жданов, партнер Улановой.

— Ой, мы чего доброго этими разговорами воров накличем.

Г.: Таких интеллигентных воров не бывает. А для остальных напишите, что Рембрандта у нас нет.

— Что это за балетные статуэтки?

— Моя коллекция, еще есть балетные открытки времен императорских театров. Покупаем в основном в Петербурге, что-то нам присылают — это так трогательно.

— Я слышала, что Гия как настоящий дипломат начал атаку на вас с вашей бабушки. А если бы она сказала: «Нет»?

— Наверное, ничего бы не вышло. Если бы я не испытывала к нему особенных чувств, мы бы остались просто друзьями. Если бы не бабушка, я бы с ним еще сто лет знакомилась. Меня же часто не бывало в Москве. А они тут без меня общались. Гия ее навещал, развлекал, ходил с ней гулять, играл в карты и нарды. Им было интересно друг с другом. Она всегда находила общий язык с моими друзьями и с друзьями моих родителей тоже. Молодым, мне кажется, всегда интересно послушать, что было, а старикам узнать, что молодые думают об этом. Такое общение еще и в грузинских традициях: «Шли мимо, увидели свет в окне и зашли в гости». Здесь это удивляет, а там было нормой. Мы жили в Тбилиси в бельэтаже, у нас одних из первых появился телевизор. Когда шел футбол (а грузины очень страстные болельщики) и окна были открыты настужь — лето, совершенно чужие

люди могли остановиться, спросить у папы, какой счет, начать смотреть матч через окно. Это был такой образ жизни. А сейчас в Москве, как на Западе: о встрече надо улаживать, зараннее договариваться. Я это, конечно, понимаю. Сейчас бы и я, наверное, с моим графиком, так не смогла. Но иногда с ностальгией вспоминаю своего балетного педагога по школе Наталью Викторовну Золотову. Она ругала меня, что бы я ложилась вовремя, а иногда могла в десять часов вечера позвать в гости. И эти упоительные встречи творческих людей затягивались до трех утра.

— Друзья у вас балетные?

— Не все. Среди балетных только Алексей Фадеечев. Круг друзей вообще сужается с годами, а знакомых по-прежнему много. В последнее время я очень много разочаровывалась. Почему-то, если делаешь что-то хорошее, люди начинают подозревать тебя в корысти. Раньше я не могла ничего сделать — у меня не было ни возможностей, ни денег. А сейчас я могу! У меня есть знакомства, связи, уважение к моему слову западных импресарио. Кому от этого плохо? Знаете, как трудно было уговорить Джона Тараса поставить у нас Баланчина? Когда-то он поставил баланчинского «Блудного сына» в Большом, так ему просто-напросто не заплатили. Когда мы с Алексеем Фадеечевым попытались с ним договориться во второй раз, он и слышать ничего не хотел. Но мы его переубедили. Я готова была рискнуть личными деньгами, своим словом, репутацией, но чтобы в Большом шла баланчинская «Симфония до мажора». И мне было не стыдно за свой театр на нью-йоркских гастролях.

— Есть темы, по которым вы не ходите с Гией общего языка?

— Бывает. Я человек более спокойный. Могу уступить и уступаю. Могу приладиться. Когда Гия на чем-то страшно настаивает, я могу быть не согласна, но понимаю, что спорить бесполезно и лучше уступить. По поводу балета мы нико-

Пейзаж за окном расслабляет

гда не спорим. Гия уже профессионал в этой области.

— Он может вам сказать, что вот сегодня спектакль прошел неважно?

— Но он еще и объяснит, почему. Однажды я сама не сразу поняла, что случилось. Прихожу домой, рассказываю Гие, что что-то непонятное произошло, а он мне говорит: «Знаешь, что случилось? Ты просто пошла не той ногой». Я не поверила! Думала, это ему Раиса Степановна сказала (Р. С. Стручкова, педагог Н. Ананиаишвили. — Ред.). Даже ей позвонила! «Нет, Гичку я не видела, передавай ему привет. Спектакль был хороший, я довольна». «Как ты догадалась?» — спрашиваю Гию. «Я просто увидел». Он, конечно, уже смотрит спектакль не как простой зритель. Когда я долго что-то не танцую, а потом повторяю текст (текстом балерины называют танец. — Ред.), он мне иногда подсказывает.

— Неужели Гия ходит на каждый ваш спектакль?

— Даже если я в течение месяца танцую одно и то же. (Она неожиданно срывается с места и летит к телевизору.) Простите, я на минуточку!

Показывают интервью со Стручковой. Пока идет запись ее танца, Нина и Гия что-то комментируют, и я убеждаюсь, что в балете они понимают друг друга без лишних слов. А потом Стручкова, семидесятипятилетняя, но все еще очаровательная, смешно и весело рассказывает про свой последний спектакль в Большом, про свой ранний уход со сцены (сейчас Р.С. — педагог-репетитор в Большом. — Ред.), который был для всех неожиданностью. «Когда я только пришла в театр, Елизавета Павловна Гердт (знаменитая балерина, педагог Р. Стручковой. —

Ред.) мне сказала: «Стручок, надо готовиться к пенсии!» И она была права. Балет — это искусство молодых. Надо уходить самой, а не ждать, когда тебя попросят».

— Нина, а вы когда-нибудь думали, как красиво уйти?

— Мы этого с Раисой Степановной никогда не обсуждали. Многие так уходят, как она: никому не сказав ни слова. Когда уходить? У каждого свой счет: свой век, свой возраст, свои возможности. Это должно быть внутреннее ощущение.

— Какую одежду вы предпочитаете носить?

— Разную, всякую, удобную, красивую, простую.

— Ориентируетесь на моду?

— Главное, чтобы мужу нравилось. Если ему не понравится, я все равно не смогу эту вещь носить.

— Тогда какие духи нравятся вашему мужу?

— Не смейтесь, но духи мне тоже Гия выбрал. Он мне их подарил, когда за мной ухаживал. И это так хорошо легло на мой вкус и на мой нос, что с тех пор другие мне не нравятся.

— Как духи называются?

— Секрет.

На десятилетие свадьбы Гия подарил жене... балет. Выкупил на три года права на исполнение «Моцартианы». Это был сюрприз, которого Нина не ожидала. Да еще удалось станцевать это в любимом Большом. Скоро у них следующая годовщина. Балета Нина не ждет, хотя мы лично не исключили бы такую возможность. Хотя бы потому, что, юрист и дипломат по профессии, Гия оказался страстным балетоманом и стал для Нины лучшим из продюсеров. Они очень подходят друг другу.

Наталья Казьмина
Фото Елены Сидякиной

Балет — любовь моя!